

Перечитываю Каренину. Третий раз после школы и наконец-то она у меня «пошла» школьная магия на неё, вроде, больше не действует. Треугольник Каренины – Вронский меня мало волнует, а вот Левин – интересный мальчик, его прелюбопытнейшие рассуждения открывают уму, выпестованному в российской школе, многое. Предмет моего пристального интереса сегодня – способы естественной и радостной жизни, секреты и инструменты лада в себе и в семье. В прошлом я была успешным маркетологом, карьеристкой и чайлдфри. Но после рождения сына жизнь моя круто изменилась, как и я сама. Ещё будучи беременной, я наблюдала измождённых, нервных мамаш и таких же нервных, то и дело болеющих

Анна Вокина,

консультант
по уходу за грудными детьми,
блоггер,
Новосибирск

Перечитываю Анну Каренину, или Плоды просвещения

детей, и рассудила так: если дети рождаются, то и матушка-природа должна была позаботиться о том, чтобы это было легко, чтобы женщине нравилось быть матерью. Поэтому я стала искать и узнала о так называемом естественном родительстве. Сразу же после родов я пригласила консультанта по грудному вскармливанию, потом сама стала таковым, прошла обучение на курсах инструкторов по уходу и дородовой подготовке.

Но чем дальше, тем яснее мне становилось, что для успешного материнства женщине недостаточно знать, когда и как приложить ребёнка к груди. Корень большинства проблем современных женщин в том, что они не воспринимают себя Женщиной. Нас учат жить в мужском

мире по мужским правилам, думать по-мужски, действовать по-мужски.

В чём секрет наших прародительниц, которые имели много детей, всё успевали, жизнь видели в красоте и воспринимали её с радостью? Ведь и сейчас в деревнях ещё можно увидеть этих светлых бабушек, которыми стали те Женщины. Где они черпали свою женскую силу, которой так не достаёт нам?

Ответ я стала искать в традиции. Огромный мир её: образ мысли, образ жизни, восприятие окружающего пространства, собственной одежды, вещей — всё в традиции настроено на увеличение силы человека, данной ему по факту рождения.

Поэтому (возвращаясь к чтению Толстого) я не могла не обратить внимания на то, как растили детей в высшем обществе. Благо, что Л.Н. Толстой подробно описывает материнство своих героинь и свои представления о правильном материнстве. На одном конце его шкалы стоит мать Вронского. «Вронский никогда не знал семейной жизни. Мать его была в молодости блестящая светская женщина, имевшая во время замужества и в особенности после много романов, известных всему свету. Отца своего он почти не помнил и был воспитан в Пажеском корпусе». Помнится, «при исследованиях нормы (развития нервной системы), из выборки исключаются детдомовские ребятки, дети, которые с первых дней были отданы на попечение бабушек или нянь, и дети «холодных» матерей, т.е. тех, кто в первые полгода подходит к ребёнку только чтобы покормить и перепеленать»¹.

На другой стороне шкалы Толстой поместил Долли, которая за восемь лет замужества родила семерых детей, ещё двое умерли в родах, а во время повествования она родила ещё девочку. Интересен такой диалог Долли и крестьянки:

«— А у тебя есть дети?

— Было четверо, двое осталось: мальчик и девочка. Вот в прошлый мясоед отняла.

— А сколько ей?

— Да другой годок.

— Что же ты так долго кормила?

— Наше обыкновение: три поста...»

Долли удивляется, что крестьянка так долго кормила — аж полтора года. А сколько же кормила она? Вероятно, гораздо меньше, зачастую беременность одновременно с кормлением для женщины бывает тяжёлой, а Долли была практически непрерывно беременной. То есть удовлетворения потребности в грудном вскармливании у детей этой «образцовой» матери не происходило (хорошо ещё, что Долли хоть немного сама кормила, а ведь Наташа Ростова, кормящая сама, ещё в начале того же века не находила понимания у окружающих, в оправдание такого поведения ей приходилось ссылаться на Руссо).

Жизнь женщины с двумя-то детьми-погодками весьма непроста, оба ребёнка хотят внимания, всю маму, а у неё лишь одна пара рук. Но что происходит, когда погодков не двое, а шестеро! Это значит, что мама озабочена лишь тем, всех ли накормили, всем ли попы помыли, и не выткнул ли один ребёнок другому глаз. А если она при этом беременна, у неё токсикоз, ей хочется спать, она бегаёт в туалет каждые пять минут и мечтает только о том, чтобы побыть сама с собой хоть несколько минут. В такой ситуации для отдельно взятого ребёнка мама вроде бы есть, вот она, но она вне зоны доступа. Я это отлично ощутила, когда попробовала, сидя с маленьким сыном дома, открыть домашний детский сад. Он просуществовал три месяца, максимум у меня было одновременно семеро детей, не такие уж малыши, всем минуло два года, и дети у нас были не 24 часа в сутки. Но после развала сада моему сыну потребовалось два месяца реабилитации. В эти два месяца, когда к нам приходили другие дети, он заявлял, чтобы они уходили, выпроваживал даже тех, с кем он всегда любил играть, говорил, что он хочет, чтобы только он был у меня. Сейчас, к счастью, всё нормализовалось, он замечательно общается с приходящими к нам детьми, и почти каждый день ведёт беседы на тему «Породи мне братика». И это пацан, которому на момент сада было больше трех с половиной лет. Как же

¹ Информация о выборке для исследований была получена в личной беседе от Петровой Елены Эмировны, доцента кафедры коррекционной педагогики и специальной психологии НИКПИПРО, руководителя Центра психолого-педагогической поддержки «Эмпатия» НОУ Школа «Аврора», кандидата психологических наук.

Перечитывая Анну Каренину, или Плоды просвещения

чувствует себя ребёнок, когда он с рождения один из, а потребности у него, как у единственного?

А если учесть, что детей аристократии при всём при том изначально приучали правильно вести себя, сдерживать эмоции, держать себя в руках. Чего стоит эта сцена:

«Зачем ты пришла, Таня? — сказала Дарья Александровна по-французски вошедшей девочке.

— Где моя лопатка, мама?

— Я говорю по-французски, и ты так же скажи.

Девочка хотела сказать, но забыла, как лопатка по-французски; мать ей подсказала и потом по-французски же сказала, где отыскать лопатку. И это показалось Левину неприятным.

“И для чего она говорит по-французски с детьми?” — подумал он. “Как это неестественно и фальшиво! И дети чувствуют это. Выучить по-французски и отучить от искренности”, — думал он сам с собой, не зная того, что Дарья Александровна всё это двадцать раз уже передумала и всё-таки, хотя и в ущерб искренности, нашла необходимым учить этим путём своих детей”.

Примем во внимание, что дети высшего света росли главным образом с кормилицами и нянями, зачастую иностранками. Так что я не думаю, что с точки зрения развития нервной системы, активизации зон головного мозга, удовлетворения врождённых ожиданий дети Долли сильно выигрывали у детей вроде «сироты» Вронского. И при исследованиях нормы, дети Долли были бы исключены из выборки вместе с Вронским, как дети «холодной» матери. Впрочем, это справедливо и для детей остальных аристократок, которые находились где-то посередине между Долли и матерью Вронского в системе Толстого.

Похоже, такой же стиль материнства был распространён и среди аристократии Европы. Я не большой знаток европейской истории и культуры, но в «Саге о Форсайтах» описывается подобный вариант материнства у знати. Скорее всего, наши и в этом копировали европейцев. В итоге из таких детей получались взрослые, которые представляли бы большой интерес для современных психологов и психиатров. А ведь у знати традиции материнства

подобного типа были распространены давно. То есть проблема осложнялась тем, что когда дети таки имели возможность общаться со своими знатными родителями, они общались с людьми, у которых глубокие личностные проблемы.

И они, обладая положением и деньгами, имели возможность влиять на жизнь других общественных слоев в России. Посмотрим, что из этого вышло.

Россия XIX в., недавно отменили крепостное право, аристократы, привыкшие к крепостничеству, понимают, что так дальше нельзя (в Европе уже слишком косо смотрят, у них метро и конституции, а у нас — крепостное право), но им тяжело учиться жить без крепостных. Ведь, с одной стороны, хочется вести прежний образ жизни с балами и роскошью, но с другой, на это нужны деньги, которые надо получать в новых экономических условиях. Не у всех это получается. Для покрытия долгов аристократы продают свои земли и имения за бесценок более умелым хозяйственникам (сцена с продажей леса Облонским купцу Рябинину, да и «Вишнёвый сад» об этом же).

В то же время часть особо недолюбленных в детстве молодых людей ударяется в набирающую силу, такую модную новую религию — науку. Благодаря ей они перестают верить в бога².

Им кажется, что в науке они наконец-то найдут утешение для своей боли, ко-

² «Стоя у первой обедни, Левин попытался освесить в себе юношеские воспоминания того сильного религиозного чувства, которое он пережил от шестнадцати до семнадцати лет. Но тотчас же убедился, что это для него совершенно невозможно. Он попытался смотреть на всё это, как на не имеющий значения пустой обычай, подобный обычаю делания визитов; но почувствовал, что и этого он никак не мог сделать. Левин находился в отношении к религии, как и большинство его современников, в самом неопределённом положении. Верить он не мог, а вместе с тем он не был твердо убежден в том, чтобы всё это было несправедливо. И поэтому, не будучи в состоянии верить в значительность того, что он делал, ни смотреть на это равнодушно, как на пустую формальность, во всё время этого говенья он испытывал чувство неловкости и стыда, делая то, чего сам не понимает, и потому, как ему говорил внутренний голос, что-то лживое и нехорошее.

Во время службы он то слушал молитвы, стараясь приписывать им значение такое, которое бы не расходилось с его взглядами, то, чувствуя, что он не может понимать и должен осуждать их, стараясь не слушать их, а занимаясь своими мыслями, наблюдениями и воспоминаниями, которые с чрезвычайною живостью во время этого праздного стояния в церкви бродили в его голове». Анна Каренина, часть 5, гл. I, Л.Н.Толстой.

торая не даёт им покоя. И открыв науку для себя, стараются открыть свою новую религию и для других (как современные мамы, которых их внутренняя боль заставляет сначала проповедовать на форумах и устраивать «мамские бои», а потом становиться консультантами по грудному вскармливанию).

А в науке на тот момент процветают естественные науки, народ дружно берётся всё разделять, разбирать, препарировать от лягушек до человеческих трупов, и не только. Подход: разобрать, разложить и описать — становится образцовым для всех остальных наук, даже таких, где он неуместен: где дело касается истории и культуры, где дело касается души. И вот этих ребят, увлечённых наукой, очень забит то, что русская аристократия теряет свои позиции, на их место приходят купцы вроде Рябинина, и одну из причин такой ситуации они видят в крестьянах — те не хотят и не умеют работать. А подходы для решения проблемы с мужиками, конечно же, надо использовать самые передовые:

«Да, но постій: я говорю не о политической экономии, я говорю о науке хозяйства. Она должна быть, как естественные науки и наблюдать данные явления и рабочего с его экономическим, этнографическим...»³.

Но эти ребята, будучи русскими, мало знакомы с русской культурой. При нашествии Наполеона, часть русских аристократов русским языком не владела. Современники Толстого уже лучше знали русский, но и их воспитывали мадмуазели и бонны, и образование они получали за границей. То есть о русской культуре они имели самое отдалённое представление.

Собственно, они знали о русском народе то, что смогли увидеть в своих поместьях. А это — Центральная Россия, где было крепостничество, и где крестьянам приходилось работать не только для того, чтобы обеспечить себя, но и для того, чтобы позволить своему барину порхать на балах и ездить на воды. Экономическое положение крестьян Центральной России было таково, что культура в таких условиях разрушалась, и в результате мы имеем вот

³ Диалог Левина и Степана Аркадьевича, часть 2, гл. XIV.

Перечитывая Анну Каренину, или Плоды просвещения

такую «красоту» http://www.situation.ru/app/j_art_307.htm.

Но как Москва ещё не Россия, так и Центральная Россия — ещё не Россия. Там, где крепостного права не было: Север, Сибирь, Алтай, Забайкалье, крестьяне жили иначе — зажиточнее, основательнее, свободнее⁴. Люди уходили в поисках лучшей жизни и уносили с собой кусочки культуры, которая была раньше и в Центральной России, но стараниями всё той же верхушки уходила. В Сибири люди жили и работали так, чтобы прокормить себя, и ещё на продажу что-то оставалось, и культурные традиции народа в таких медвежьих углах сохранялись дольше. Например, тут, имея интерес к культуре материнства, я не раз слышала от людей, далёких от таких вопросов: «Моя прабабка кормила всех до пяти лет». Вот бы Долли удивилась, пообщавшись с сибирячкой!

Получается, книги того времени писали люди знатные, образованные, описывали то, что видели, а видели они лишь результат деятельности своих знатных предков. И всё же традиционная культура и в Центральных районах не была утрачена, основа-то оставалась, но наши ребята, получившие образование в Европах, её не «видели». Народ для них был диким. Да, они изучали народную культуру, но будучи представителями естественных наук (большинство из них были врачами), они старались и народную культуру разобрать, препарировать и описать, особо вникая в её суть и заведомо объясняя всё непонятное и иррациональное в действиях простых людей темнотой и отсутствием образования.

И вот наши аристократы, ведомые внутренней душевной болью, не разобравшись, куда они пришли, и что было до них, заведомо уверенные, что они всё знают, а народ убог, потому, собственно, и нужды нет разбираться в народной культуре, что и почему делается, затевают такие вещи, как фельдшерские пункты, больницы и школы. И что интересно, ещё каких-то сто с лишним лет назад было очевидно, что в этих нововведениях есть

⁴ <http://andjusev.narod.ru/>

нужда. Почитайте часть третью, главу третью. Представляете, если сейчас кто-то начнёт утверждать, что школы, врачи, больницы не нужны? А прошло-то всего каких-то 100 лет.

Левин (т.е. Толстой) обосновавшись в деревне, постоянно общался с простыми людьми и понимал, что нельзя вот так приходить к крестьянам и создавать эти нововведения. Он чувствовал, что у крестьян есть какая-то своя правда, своё образование, свой уклад, к которому он не может быть допущен в силу своего положения. Но познать эту правду он смог. Обратите внимание на главы с четвёртой по шестую, а также одиннадцатую и двенадцатую третьей части.

Простые русские люди действительно владели знанием, как быть здоровым и поддерживать здоровье. Лечить и ладить так или иначе умели все, лишь в сложных случаях отправлялись к знахарке. Образование? Крестьяне были по-своему очень образованы, они имели представление о мироустройстве и знали, как жить в этом мире с миром и с собой в ладу (как раз то, чего не знали представители аристократии). И действительно, возникает вопрос, а нужны ли им были школы, врачи и больницы? Стали ли жители деревни от этого счастливее, более приспособленными к жизни?

Всё это лишь эксперимент, когда власть имущие, не разобравшись, куда они влезли, решают вводить такие новшества там, где и до них люди жили в ладу.

Выходит, что и аристократы, и простой народ получали своё образование дома, такое образование, которое позволяло жить в окружающих их условиях.

И аристократы, и крестьяне получали врачебную помощь дома, к аристократам приходили врачи, к крестьянам целители. И аристократы, и крестьяне рожали дома.

Но стараниями образованных аристократов сначала появляются больницы для бедных в городах (вполне возможно, что это был лучший вариант, потому что в городе народная культура утрачивается и в том числе знания о том, как сохранять своё здоровье).

Потом в городах появляются роддома для падших женщин и женщин низших сословий.

Через 100 лет в принятой социальной норме⁵ все ходят в больницы, как раньше только бедные, и все женщины рожают в роддомах, как раньше падшие женщины. Ну и школы туда же.

100 лет, каких-то 100 лет! И мы уже думаем, что так всегда было и иначе нельзя. А мы всего лишь четвёртое поколение участников эксперимента, который затеяли эти деятельные господа.

Сейчас мы пожинаем его плоды: нас не устраивает современное общее образование, но мы не знаем, как самим его дать, нас не устраивает состояние медицины, но мы забыли, как без неё обходиться, женщины вернувшись из роддома, впадают в «послеродовую депрессию» (и наука тут же находит термин и предлагает переждать!).

Те же граждане, кто решил выйти из эксперимента по социальной поддержке населения и рожать дома, учить детей дома, обходиться без врачебной помощи и сам отвечать за своё здоровье (т.е. жить так, как люди всегда жили), кажутся остальным безумцами.

Что лучше — судьба лабораторной мыши, где тебя кормят, где тепло и всё понятно, но где над тобой ставят опыты, или судьба мыши полевой с риском стать едой для птиц и зверей, но с возможностью вести настоящую мышиную жизнь? Я не знаю. Но я уверена, что мыши, которая решила уйти из лаборатории в поля, не стоит агитировать за это остальных лабораторных. А просто надо идти, потому что там, в поле тоже есть мыши, которые давно так живут.

P.S. У меня есть подозрение, что классиков специально вставляют в школьную программу, чтобы отбить желание их читать, до того момента, когда думалка вырастет. Очень хочу перечитать Тургенева, он как раз писал о том, как этот эксперимент начинался. Читайте классиков, они уже не страшные.

⁵ О том, как явление становится у нас нормой — отдельная речь.